

(НЕ)ФИКТИВНЫЙ МУЖ

Надежда Цародейская

18+

Надежда Чародейская

Нефиктивный муж

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Нефиктивный муж / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Александр Волков привык всё держать под контролем. Он — циничный миллиардер, построивший империю на руинах собственного прошлого. Когда по условиям завещания отца ему нужно срочно жениться до тридцати пяти лет, он находит «идеальное» решение: фиктивная жена на один год. Выбор падает на Алису Ветрову — младшую сестру его главного конкурента, талантливого архитектора и девушку, которую он презирает за жизнь в «золотой клетке». Алиса ненавидит Александра. Он холоден, высокомерен и считает её благотворительный фонд пустой блажью. Но когда банк грозит закрыть её приют для животных, она соглашается на сделку: год фиктивного брака в обмен на спасение всего, что ей дорого. Правила просты: идеальный союз на публике и ледяное безразличие за закрытыми дверями. Однако ненависть — опасное чувство. Оно вспыхивает, обжигает и перерастает в запретное притяжение, ломая все условия контракта. Александру и Алисе предстоит решить: можно ли построить счастье на руинах недоверия?

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Холодный душ	5
Глава 2. Условия завещания	12
Глава 3. Когда кошки дерутся	19
Глава 4. Дьявол в деталях	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Надежда Чародейская

Нефиктивный муж

Глава 1. Холодный душ

Мужчина в идеально скроенном сером костюме поднял табличку с номером в тот самый момент, когда я уже праздновала победу.

— Сто пятьдесят тысяч, — произнес он, не повышая голоса, но в притихшем зале это прозвучало как выстрел.

Сердце рухнуло в пятки. Я резко обернулась, уже зная, кого увижу. Знала этот голос. Эту манеру швыряться деньгами, как конфетти. Эту холодную, едва заметную ухмылку, которая бесила меня до скрежета зубовного.

Александр Волков.

Он сидел за столиком у окна — воплощение всего, что я ненавидела в людях. Дорогой костюм, наверняка сшитый на заказ каким-нибудь итальянским мастером с труднопроизносимой фамилией. Ленивая поза хищника, уверенного, что весь мир принадлежит ему. И глаза — светло-серые, почти прозрачные, как лед на весеннем озере. Они смотрели прямо на меня, и в них плясали бесенята.

Он сделал это специально.

— Сто пятьдесят тысяч от господина Волкова! — оживился ведущий аукциона, нервно поправив бабочку. — Дамы и господа, это щедрое предложение для лота номер тридцать четыре — «Зимний сад» кисти Елены Ковальчук. Кто предложит больше?

Я сжала в руке программку так, что бумага жалобно смялась.

Эта картина должна была стать моей. Я готовилась к этому аукциону два месяца. Убедила совет попечителей, что нам нужен именно этот лот для благотворительного фонда. Что продажа «Зимнего сада» на нашем собственном мероприятии принесет минимум двести тысяч в бюджет приюта для животных. Я лично обзвонила полсотни потенциальных покупателей, уговаривая их прийти сегодня и расстаться с деньгами во имя благой цели.

И что теперь? Какой-то напыщенный сноб перебивает мою ставку просто ради забавы?

— Сто шестьдесят, — выкрикнула я, прежде чем мозг успел приказать языку остановиться.

Ведущий просиял. Волков даже бровью не повел. Только чуть заметно качнул головой — мол, ну-ну, продолжай.

— Сто семьдесят.

— Сто восемьдесят!

— Двести.

Зал ахнул. Кто-то за моей спиной присвистнул. Я почувствовала, как к щекам прилила кровь. Двести тысяч за картину, которая объективно стоила вдвое меньше. Он просто выбрасывал деньги на ветер, чтобы выставить меня душой.

На мне скрестились десятки взглядов. Хищные, любопытные, сочувствующие. Бомонд обожал подобные сцены — светские львицы и их спутники пришли сюда как в театр. И сейчас они наблюдали, как младшая сестра Игоря Ветрова вляпалась в очередную историю.

— Госпожа Ветрова? — ведущий выжидающе смотрел на меня. — Ваше слово?

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Двести тысяч... У меня не было таких денег. Точнее, лично у меня не было. Я могла бы попросить брата, и Игорь наверняка бы заплатил, но потом он припоминал бы мне это до конца жизни. «Сестренка, ты опять действуешь импульсивно», — сказал бы он с этой своей покровительственной улыбкой, от которой мне всегда хотелось бить посуду.

Нет. Я не доставлю ему такого удовольствия. И Волкову — тоже.

— Дамы и господа, двести тысяч — раз! — начал отсчет ведущий. — Двести тысяч — два!..

Я молчала. Картина уплывала из рук, а вместе с ней — будущие вольеры для сорока кошек и тридцати собак, которых я обещала спасти. Обещала. Детям. Волонтерам. Себе самой.

— Продано! — молоток ударил по деревянной подставке, и звук этот показался мне похоронным маршем. — Поздравляю господина Волкова с приобретением!

Зал взорвался аплодисментами. Кто-то хлопнул Александра по плечу, какая-то дама в бриллиантах наклонилась к его уху, что-то воркуя. А я стояла как вкопанная, сжимая в руках сумочку и мечтая провалиться сквозь мраморный пол.

— Алиса Андреевна, — бархатный баритон раздался совсем близко, и я вздрогнула. — Вы позволите?

Он стоял в шаге от меня. Высокий, зараза. На голову выше, хотя я была на каблуках. От него пахло дорогим парфюмом с нотками бергамота, хвои и чего-то еще — терпкого, мужского, от чего мысли на секунду стали вязкими, как мед.

Я подняла подбородок и посмотрела ему прямо в глаза. Только не показывать слабость. Только не отводить взгляд.

— Чем обязана, господин Волков?

— Хотел выразить восхищение, — он растянул губы в вежливой улыбке, которая не затронула глаз. — Ваш сегодняшний наряд великолепен. Этот оттенок красного... вам очень идет.

— Вы перебили мою ставку, чтобы обсудить мое платье?

— О, я перебил вашу ставку, потому что вы занизили цену. Эта картина стоит минимум двести пятьдесят. Вы плохо изучили рынок, Алиса Андреевна. Непростительное упущение для человека, управляющего благотворительным фондом.

Он произнес «благотворительный фонд» с той же интонацией, с какой говорят «детский сад» или «песочница». Снисходительно. Покровительственно. Так, словно моя работа была милым хобби богатой девочки, а не делом всей моей жизни.

Я стиснула зубы.

— Не вам судить о моей компетентности.

— Безусловно. — Он чуть склонил голову, и в свете хрустальных люстр его глаза показались мне еще холоднее. — Однако факты — упрямая вещь. Вы только что проиграли лот на глазах у всего города. Что скажет ваш брат?

Игорь.

Вот оно. Он упомянул его специально. Знал, куда бить. Конечно, знал. Александр Волков и Игорь Ветров были заклятыми конкурентами уже лет десять, с тех самых пор, как Волков перекупил у Ветрова-старшего компанию по грузоперевозкам и перекроил ее в транспортную империю. Газеты обожали смаковать их войну. «Волков против Ветрова: битва титанов». «Кто кого?». «Новый раунд противостояния».

А я оказалась между молотом и наковальней.

— Мой брат не имеет отношения к моему фонду, — отчеканила я. — И к сегодняшнему вечеру — тоже. А теперь простите, мне нужно идти.

Я шагнула в сторону, намереваясь обойти его, но Волков сделал полшага влево, преграждая путь. Движение было почти незаметным, текучим — так змея меняет положение, готовясь к броску.

— Куда же вы так спешите? Вечер только начался.

— Не люблю задерживаться там, где воздух становится ледяным.

Он усмехнулся — на этот раз по-настоящему. Уголок рта дернулся, и в серых глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Ледяным? А мне казалось, здесь довольно тепло. Может быть, это у вас кровь горячая, Алиса Андреевна? Южный темперамент? Говорят, ваша мать была родом из Одессы.

— Моя мать умерла, когда мне было шесть, — отрезала я. — И я не обсуждаю ее с посторонними.

В его глазах что-то дрогнуло. На долю секунды — так мало, что я могла бы списать это на игру света. Но я заметила. Заметила, как он едва заметно дернул головой, будто осаживая сам себя.

— Прошу прощения, — сказал он ровным тоном. — Я не хотел задеть.

Вот так новости. Александр Волков извиняется? Небо, наверное, сейчас упадет на землю.

— Ничего, — бросила я, чувствуя, как внутри что-то неприятно царапнуло. Тема матери была моей самой болезненной точкой, и он случайно нажал на нее. — Проехали. Еще раз поздравляю с картиной. Надеюсь, она хорошо впишется в интерьер вашего... жилища.

— Пентхауса, — машинально поправил он. — И да, впишется. У меня как раз пустует восточная стена в гостиной.

— Какая удача. — Я развернулась на каблуках и пошла прочь, чувствуя спиной его взгляд. Он смотрел на меня, я знала. Я кожей ощущала это — как легкое покалывание, как прикосновение холодных пальцев к позвоночнику.

Не оборачиваться. Не показывать, что он выбил меня из колеи. Идти прямо, с ровной спиной, как учила бабушка: «Алиса, ты Ветрова. Ветровы никогда не суются».

У самого выхода меня перехватила Марина — моя помощница и по совместительству лучшая подруга.

— Алиска, что это было?! — она схватила меня за локоть и потащила в дамскую комнату, подальше от любопытных ушей. — Ты что, с ума сошла — торговаться с Волковым?! Ты знаешь, кто это вообще?!

— Знаю. — Я оперлась руками о мраморную раковину и посмотрела на свое отражение в зеркале. Щеки пылали, глаза блестели, каштановые волосы, уложенные в безупречный низкий пучок, почему-то растрепались. — Это тот самый напыщенный индюк, который три года назад обанкротил завод моего отца. И тот самый циничный сукин сын, который год назад на форуме «Бизнес и общество» назвал благотворительность «налогом на глупость». Я его прекрасно знаю, Мариш. И ненавижу.

— Ну и зачем ты полезла?! — Марина всплеснула руками. — Он же тебя размазал! Публично! Завтра все газеты напишут: «Внучка Ветрова-старшего проиграла битву Волкову на благотворительном аукционе». Твой брат...

— Да плевать мне на брата! — Я резко повернулась к ней. — И на газеты плевать! Марин, у нас сорок кошек и тридцать собак. Мы обещали перестроить вольеры. Обещали! И где я теперь возьму деньги? Картина уплыла, спонсоры видели мой позор...

Я осеклась, чувствуя, как к горлу подкатывает предательский комок. Нет. Только не плакать. Ветровы не плачут — так, кажется, говорила бабушка? Или это папа говорил? Я уже не помнила. Столько лет прошло.

— Так, стоп. — Марина решительно потрянула головой, и ее короткие рыжие кудряшки запрыгали. — Мы что-нибудь придумаем. Не в первый раз. В конце концов, можно объявить еще один сбор...

— Кто нам даст после такого? — горько усмехнулась я. — Я выглядела как истеричка, которая не умеет проигрывать.

— Ты выглядела как женщина, которая борется за правое дело. — Марина взяла меня за плечи и заставила посмотреть ей в глаза. — И не смей раскисать. Слышишь? Мы найдем выход. А Волков... да черт с ним, с этим Волковым. Пусть подавится своей картиной.

Я слабо улыбнулась, но в душе поселилось сосущее, липкое чувство тревоги. Интуиция — та самая, которую бабушка называла «ведьминым даром» и которая никогда меня не подводила, — кричала на одной высокой ноте: это только начало. Самое страшное еще впереди.

И, как показали дальнейшие события, она была права.

Вечер опустился на Москву душным июньским одеялом, когда я наконец добралась до своей квартиры. Скинула туфли, даже не глядя, куда они улетели. Стянула платье, оставшись в одном белье, и рухнула на диван, зарывшись лицом в подушку.

Телефон разрывался от уведомлений. Я знала, что там: ссылки на первые новости с аукциона, ехидные комментарии в соцсетях, пара сообщений от «доброжелателей», которые спешили выразить сочувствие, чтобы потом за моей спиной перемыть косточки.

И наверняка — звонок от Игоря. Брат наверняка уже в курсе. И наверняка зол как черт.

Я перевернулась на спину и уставилась в белый потолок. Перед глазами стояло лицо Волкова. Его холодные серые глаза. Его голос — глубокий, обволакивающий, с легкой хрипотцой. И эта его дурацкая ухмылка, от которой у меня внутри все закипало.

«Ваш сегодняшний наряд великолепен».

Комплимент? Издевка? Он вообще умеет говорить что-то искренне, или каждая его фраза — часть какой-то сложной шахматной партии, смысл которой знает только он один?

Я потрянула головой, отгоняя непрошенные мысли.

Какая разница? Мы из разных миров. Вернее, из одного мира — мира больших денег и громких фамилий, — но по разные стороны баррикад. Он — хищник, акула, которая сожрет любого, кто встанет у него на пути. А я... я просто пытаюсь делать то, во что верю. Помогать тем, кто не может помочь себе сам. И мне плевать, что он там думает про «налог на глупость».

Звонок в дверь раздался так неожиданно, что я подскочила на месте.

Одиннадцать вечера. Кого могло принести в такое время?

Я накинула халат, сунула ноги в тапочки и поплелась в прихожую. Посмотрела в глазок — и сердце пропустило удар.

За дверью стоял Александр Волков собственной персоной. Без пиджака, с ослабленным узлом галстука, в одной руке — что-то большое, прямоугольное, завернутое в коричневую бумагу.

— Открывайте, Алиса Андреевна, — произнес он негромко, но я услышала каждое слово. — Я знаю, что вы дома. Ваши окна светятся.

Я замерла.

Вот черт. Черт, черт, черт.

Чего ему нужно? Как он вообще узнал мой адрес?!

— Я вызову охрану, — сказала я громко, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Вызовете, — согласился он. — Но сначала откройте. Это не займет много времени. Обещаю.

Я колебалась ровно пять секунд. А потом щелкнула замком и распахнула дверь.

Волков стоял на пороге, заполняя собой дверной проем. При свете лампы в прихожей его лицо казалось еще более резким, словно высеченным из камня. На скулах играли тени, и на секунду мне почудилось, что передо мной не человек, а какая-то древняя статуя — прекрасная и пугающая одновременно.

— Что вам угодно?

Вместо ответа он протянул мне сверток. Я машинально взяла его — и едва не уронила, потому что он оказался тяжелым.

— Картина, — пояснил Волков. — «Зимний сад». Я передумал вешать ее на восточную стену.

Я потеряла дар речи.

— Вы... вы что, дарите ее мне?

— Дарю, — кивнул он, засовывая руки в карманы брюк. — Вашему фонду. Точнее, вашему приюту. Продадите — и постройте свои вольеры.

— Но... почему? — Я все еще не могла поверить. — Вы же заплатили за нее двести тысяч! Зачем вам...

— Мне не нужна эта картина, Алиса Андреевна. — Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах я прочла что-то странное. Не насмешку — нет. Скорее, усталое любопытство. — Я перебил вашу ставку, потому что хотел посмотреть, как далеко вы готовы зайти. И вы зашли дальше, чем я ожидал. Признаться, впечатляет.

— Так это была проверка? — Я почувствовала, как внутри снова закипает гнев. — Вы устроили весь этот цирк, унизили меня перед всем городом, просто чтобы проверить?!

— Проверка, — согласился он. — И извинение. — Он кивнул на картину. — Считайте это жестом доброй воли.

— Жестом доброй воли? — Я горько рассмеялась. — Знаете, господин Волков, в нормальном мире добрую волю проявляют не так. В нормальном мире не пытаются растоптать человека, а потом бросить ему подачку.

— В нормальном мире, Алиса Андреевна, никто никому ничего не дает просто так, — парировал он. — Я хочу, чтобы вы запомнили этот вечер. Запомнили, что не стоит недооценивать противника. И что цена ошибки иногда бывает слишком высока.

— Вы мне угрожаете?

— Я даю вам бесплатный урок, — он чуть наклонился, и его лицо оказалось совсем близко. Я уловила все тот же запах — бергамот, хвоя, что-то терпкое. — Мир бизнеса жесток. Игорь не всегда сможет вас защитить. Научитесь стоять за себя сами — и тогда, возможно, мы поговорим с вами на равных.

С этими словами он развернулся и пошел к лифту.

Я стояла в дверях, прижимая к груди картину, и смотрела ему вслед. В голове крутилась тысяча мыслей, но ни одну из них я не могла облечь в слова.

Он вошел в лифт, обернулся и посмотрел на меня. И прежде чем двери закрылись, бросил:

— Спокойной ночи, Алиса Андреевна. Приятных снов.

Лифт уехал. Я осталась одна в тишине, с картиной в руках и с отчетливым, пугающим ощущением, что моя жизнь только что сделала крутой поворот.

Куда он ведет — я пока не знала. Но почему-то мне казалось, что назад дороги уже нет.

Глава 2. Условия завещания

За три дня до аукциона

— Александр Валерьевич, вы меня слушаете?

Я оторвал взгляд от окна и посмотрел на нотариуса. Старик ерзал в кресле, нервно теребя папку с документами. По его лысине скатилась капля пота, хотя кондиционер в кабинете работал на полную мощность.

Странно. Обычно люди нервничали в моем присутствии по другим причинам. Боялись сорвать сделку, боялись сказать лишнее, боялись не угодить. А этот... он боялся того, что лежало в папке.

— Я слушаю, — сказал я, откидываясь в кресле. — Продолжайте.

Нотариус — его звали Аркадий Семенович, и он вел дела семьи Волковых последние двадцать лет, — прокашлялся и поправил очки.

— Ваш отец оставил дополнение к завещанию. Оно было составлено за полгода до его смерти и заверено по всем правилам. Я обязан зачитать его вам лично.

Отец. При упоминании о нем внутри привычно шевельнулась глухая, старая боль. Валерий Викторович Волков умер два года назад от обширного инфаркта. Умер так же, как жил: внезапно, громко, не оставив никому времени на прощание.

Мы не были близки. Точнее, мы были врагами, которые иногда притворялись семьей. Он построил империю на крови, лжи и сломанных судьбах, а я... я отобрал ее у него. Не всю, но достаточно, чтобы он возненавидел меня до гроба.

И, судя по всему, после гроба — тоже.

— Читайте, — потребовал я.

Аркадий Семенович раскрыл папку, и я увидел характерный отцовский почерк — резкий, летящий, с наклоном влево. Отец всегда писал только от руки. Не доверял технике, не доверял людям, не доверял никому и ничему.

«Я, Волков Валерий Викторович, находясь в здравом уме и твердой памяти, дополняю свое завещание следующим условием. Мой сын, Волков Александр Валерьевич, вступает в права наследования контрольным пакетом акций холдинга „Волков Индастриз“ — 51 процентом — только при условии, что к своему тридцатипятилетию он будет состоять в законном браке. Брак должен быть заключен не позднее чем за три месяца до указанной даты. В противном случае контрольный пакет переходит в управление совета директоров под председательством Игоря Андреевича Ветрова».

Тишина в кабинете стала такой густой, что ее, казалось, можно было резать ножом.

Я перевел взгляд на нотариуса. Старик вжал голову в плечи, ожидая взрыва.

Взрыва не последовало. За годы работы в бизнесе я научился главному: эмоции — это роскошь, которую нельзя себе позволить, когда враг наносит удар. А это был именно удар. Хорошо продуманный, точно рассчитанный, нанесенный из могилы.

— Повторите, — сказал я ровным голосом.

— Тридцать пять лет, — пролепетал нотариус. — Вам сейчас тридцать четыре. День рождения — пятнадцатого декабря. Значит, брак должен быть зарегистрирован не позднее пятнадцатого сентября. У вас есть...

— Чуть больше двух месяцев, — закончил я за него. — Я умею считать, Аркадий Семенович.

Ветров.

Вот, значит, как. Отец не просто так упомянул эту фамилию. Он знал, что Ветровы — мои главные конкуренты. Знал, что мы с Игорем грыземся последние десять лет. Знал и вписал его в завещание как последнее издевательство.

«Ты думал, что победил меня? — говорил отец из могилы. — Что ж, посмотрим, как ты выкрутишься теперь. Либо впрягайся в семейное ярмо, либо отдай дело всей своей жизни врагу».

Я медленно вдохнул и выдохнул.

— Есть ли способ оспорить это условие?

— Боюсь, что нет. — Нотариус покачал головой. — Завещание составлено при свидетелях, заверено психиатром, все бумаги в полном порядке. Ваш отец был... предусмотрительным человеком.

Предусмотрительным. Это еще мягко сказано.

— Кто знает об этом условии?

— Только я и свидетели, указанные в завещании. Но... — старик замялся. — Александр Валерьевич, в последнее время ко мне обращались люди, которые проявляли странный интерес к делам вашего отца. Частные детективы, если быть точным. Я полагаю, информация могла просочиться.

Значит, Ветров уже в курсе. Или скоро будет в курсе.

Ситуация стремительно превращалась в катастрофу. Контрольный пакет «Волков Индастриз» — это не просто деньги. Это власть. Это сотни предприятий по всей стране. Это десятки тысяч сотрудников. Это дело, которое я строил десять лет, выгрызая у отца актив за активом, компанию за компанией, пока не стал controlling shareholder.

Отдать это Ветрову?

Скорее ад замерзнет.

— Спасибо, Аркадий Семенович, — я поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Оставьте копию завещания моему юристу. И будьте добры, никому больше ни слова.

— Разумеется. — Нотариус торопливо закивал и начал собирать бумаги. — Александр Валерьевич, я... примите мои соболезнования.

— Соболезнования принимают, когда кто-то умер, — бросил я, направляясь к выходу. — Мой отец просто продолжает портить мне жизнь.

Выйдя из офиса нотариуса, я не поехал домой. Вместо этого приказал водителю везти меня в офис.

Москва проплывала за тонированными стеклами — жаркая, суетливая, равнодушная к чужим проблемам. Я смотрел на толпы людей, спешащих по своим делам, и впервые за долгое время чувствовал себя загнанным в угол.

Брак. Мне нужен брак.

Не просто брак — фикция, которая удовлетворит условия завещания. Женщина, которая согласится сыграть роль влюбленной жены на публике и раствориться в воздухе через год, когда все формальности будут улажены.

Где взять такую женщину?

Вариантов было немного. Актриса? Слишком рискованно: проболтается прессе. Модель? Еще хуже: начнет требовать бриллианты и место в совете директоров. Кто-то из бизнес-тусовки? Исключено: за моей спиной сразу начнут плести интриги.

Нужна женщина, которой я смогу доверять. Или, если доверять нельзя, — женщина, у которой не будет выбора.

— Валера, — обратился я к водителю, — найди мне всю информацию по благотворительному фонду «Вторая жизнь».

— Это который у Ветровой? — уточнил водитель.

— Да. Младшей сестры Игоря. Алисы.

Водитель бросил на меня короткий взгляд в зеркало заднего вида, но промолчал. За десять лет работы он привык не задавать лишних вопросов.

Я откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Алиса Ветрова.

Я видел ее пару раз на светских мероприятиях. Милое личико, острый язык, полное отсутствие инстинкта самосохранения. Она влезала в споры, в которых ничего не понимала, защищала бездомных животных с яростью тигрицы и принципиально носила не брендовую одежду, а какие-то странные балахоны, сшитые, кажется, из мешковины.

Богатая девочка, которая играет в благотворительность. Папенькина дочка, которая никогда не знала слова «нет». Мажорка, у которой вся жизнь — один сплошной каприз.

Идеальная марионетка.

План начал складываться в голове сам собой. Я знал, что ее фонд испытывает финансовые трудности — мои аналитики докладывали об этом пару месяцев назад. Знал, что она поссорилась с братом из-за распределения наследства и теперь Игорь урезал ей финансирование. Знал, что она отчаянно пытается доказать всему миру свою самостоятельность и именно поэтому будет цепляться за любую возможность спасти свой дурацкий приют.

Останется только надавить на нужные точки.

Устроить небольшой спектакль. Дать ей почувствовать себя загнанной в угол. А потом — предложить сделку, от которой она не сможет отказаться.

Жестоко? Возможно.

Но бизнес есть бизнес. А женщина, которая всю жизнь провела в золотой клетке, сама не понимает, что окажется в еще одной — просто позолоченной с другой стороны.

Я открыл глаза и посмотрел на часы. До аукциона, на котором Алиса Ветрова будет торговаться за какую-то дурацкую картину, оставалось три дня.

У меня было время подготовиться.

День аукциона

— Ты уверен, что это хорошая идея? — спросил Кирилл, мой заместитель и единственный человек, которому я худо-бедно доверял. Он стоял у окна моего кабинета, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с выражением, которое я про себя называл «отеческим неодобрением».

Кирилл был старше меня на десять лет. Лысеющий, грузный, с вечно расстегнутой верхней пуговицей рубашки, он напоминал добродушного медведя. Но за этим добродушием скрывался острый ум и феноменальная способность просчитывать риски.

— Хорошая — нет, — признал я, поправляя запонки. — Но других идей у меня нет.

— Можно найти eskortницу. Дорогую, с рекомендациями, с образованием. Подписать с ней NDA, заплатить миллион-другой — и дело в шляпе.

— Эскортница не пройдет проверку, — отрезал я. — Ветров тут же раскопает ее прошлое и использует против меня. Мне нужна женщина с кристально чистой репутацией. Желательно — из хорошей семьи. Желательно — с громкой фамилией. Такая, чтобы ни у кого не возникло вопросов, почему я на ней женился.

— И поэтому ты хочешь жениться на сестре своего главного врага? — Кирилл хмыкнул. — Саша, это даже для тебя слишком.

— В этом и смысл. — Я повернулся к нему. — Кто заподозрит фиктивный брак, если я женюсь на дочери Ветрова? Все решат, что это слияние капиталов. Династический союз. Что я наконец решил зарыть топор войны и объединить империи.

— А на самом деле?

— А на самом деле я получу контрольный пакет, через год разведусь и верну все на круги своя.

— Если она согласится, — скептически заметил Кирилл.

— Согласится, — я взял со стола папку с досье на Алису и пролистал ее. — У нее приют для животных на грани закрытия. Долг перед банком — пятнадцать миллионов. Брат отказался помогать. Спонсоры разбегаются. Еще пара месяцев — и ее драгоценный фонд пойдет с молотка. Она будет бороться за него до последнего. А я предложу ей спасение.

— В обмен на год фиктивного брака.

— Именно.

Кирилл покачал головой, но спорить не стал. Он знал: если я что-то решил, переубедить меня невозможно.

— Ладно, — вздохнул он. — Допустим, она согласится. Что ты будешь делать с Игорем? Он же взбесится, когда узнает.

— А вот это, — я позволил себе тонкую, холодную улыбку, — самая приятная часть плана.

Аукцион проходил в «Метрополе» — помпезном, крикливо-золоченом зале, который так любила московская элита. Я приехал с опозданием на полчаса, чтобы не светиться раньше времени, и занял столик в дальнем углу.

Алису я заметил сразу.

Она сидела через три ряда от меня, выпрямив спину, как балерина на приеме у королевы. Красное платье облегалo ее фигуру с какой-то вызывающей, почти агрессивной элегантностью. Темные волосы были собраны в тугий узел, открывая длинную шею и острые ключицы.

Красивая.

Я знал это и раньше, но сейчас, глядя на нее в полумраке зала, почему-то отметил это отдельно. Не просто милое личико — породистая, тонкая красота, которую не портила даже ее привычка морщить нос, когда она нервничала.

А нервничала она много. Я видел, как она кусает губы, как теребит программку, как шепчется со своей рыжей помощницей, бросая на сцену взволнованные взгляды.

Она хотела эту картину. Отчаянно хотела. И это делало ее уязвимой.

Я дождался, пока ведущий объявит лот, и позволил ей сделать первую ставку. Потом вторую. Потом третью.

А потом, когда она уже была уверена в победе, поднял табличку.

— Сто пятьдесят тысяч, — произнес я, и она вздрогнула как от удара током.

Дальше все пошло по плану. Она завелась с пол-оборота — я знал, что так будет, читал в досье про ее южный темперамент. Вспылила. Начала торговаться, хотя денег у нее не было. Проиграла и попыталась сбежать, пряча слезы.

Я поймал ее у выхода.

— Ваш сегодняшний наряд великолепен, — сказал я, и это было правдой. Красный действительно шел ей. Делал ее похожей на осенний лист — яркий, трепещущий на ветру.

Она огрызнулась. Упомянула мать — и тут я дал маху. Не знал, что это больная тема. Пришлось извиняться, что я делал крайне редко.

А потом она ушла, гордо вздернув подбородок, и я остался стоять посреди зала с картиной в руках и с ощущением, что первый раунд остался за мной.

— Ну что? — Кирилл материализовался рядом. — Как все прошло?

— По плану, — я протянул ему картину. — Отвези это в офис. Завтра она мне понадобится.

— Зачем?

— Отвезу Ветровой. В качестве жеста доброй воли.

Кирилл уставился на меня так, будто я предложил ему станцевать голым на Красной площади.

— Ты хочешь отдать ей картину, за которую только что заплатил двести тысяч? Бесплатно?

— Не бесплатно. В обмен на ее покорность. Она должна понять, что я не враг. Что со мной можно иметь дело. Что я выполняю обещания.

— Ты собрался покупать ее расположение?

— Я собрался покупать ее согласие. — Я холодно посмотрел на Кирилла. — А это, поверь, две большие разницы.

Той же ночью я стоял перед дверью ее квартиры, сжимая в руке картину в коричневой обертке. Адрес был в досье — маленькая квартирka в Замоскворечье, которую она купила на свои деньги, а не на папины. Единственное, что вызывало у меня если не уважение, то хотя бы интерес.

Она открыла не сразу. Я слышал, как она возится за дверью, как смотрит в глазок, как колеблется. А потом дверь распахнулась, и она предстала передо мной в халате, растрепанная, с горящими от возмущения глазами.

И я вдруг понял, что план мой — полное дерьмо.

Потому что дело было не в бизнесе. Не в завещании. Не в Ветрове.

Дело было в ней. В этой женщине, которая смотрела на меня с такой яростью, будто готова была испепелить на месте. Которая не боялась меня — а боялись почти все. Которая, даже проигрывая, не опускала головы.

И на какую-то долю секунды мне захотелось, чтобы этот брак не был фиктивным.

Глупость. Слабость. Непростительная роскошь.

Я подавил эту мысль, как давил все эмоции последние двадцать лет, и протянул ей картину.

— Дарю, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вашему приюту. Продадите и постройте свои вольеры.

Она не поверила. Конечно, не поверила. Начала спорить, возмущаться, обвинять меня в каких-то немыслимых грехах. Я слушал ее, и где-то глубоко внутри разгоралось странное, забытое чувство.

Интерес.

Настоящий, живой интерес — не к бизнес-активу, не к пешке в большой игре, а к человеку.

— Научитесь стоять за себя сами, — сказал я напоследок. — И тогда, возможно, мы поговорим с вами на равных.

И ушел, пока она не заметила, как дрогнул мой голос.

Глава 3. Когда кошки дерутся

Утро началось с запаха гари.

Я проснулась от того, что в нос ударил едкий, тошнотворный смрад жженого сахара и чего-то кислого — так пахнет, когда забываешь выключить кофеварку, и алюминиевая турка раскаляется добела.

— Твою ж!..

Босая, в одной пижаме, я влетела на кухню и выдернула вилку из розетки. Турка дымилась, издавая жалобное шипение. Кофе выкипел, залив черной жижей всю плиту. Таймер на телефоне показывал девять утра — проспала. На два часа проспала, хотя будильник орал на всю квартиру.

Я схватила телефон. Двенадцать пропущенных вызовов. Пять от Марины, четыре от пресс-службы фонда, три с незнакомых номеров.

И одно сообщение от Игоря: «Будь в офисе к полудню. Разговор есть».

Коротко. Сухо. Как приказ.

Я швырнула телефон на диван и пошла в душ, пытаясь привести мысли в порядок. Горячая вода хлестала по плечам, но даже она не могла смыть ощущение катастрофы.

Вчерашний вечер прокручивался в голове как дрянной сериал, который невозможно выключить. Аукцион. Картина. Волков, стоящий на пороге моей квартиры с этой дурацкой обернутой в бумагу оливой в руках.

И его слова: «Научитесь стоять за себя сами».

Что это вообще было? Урок? Предупреждение? Или — от этой мысли мне становилось особенно не по себе — начало какой-то сложной игры, правил которой я не понимала?

Я выключила воду и уставилась на свое отражение в запотевшем зеркале. Синяки под глазами, бледная кожа, волосы торчат во все стороны. Прекрасная Алиса Ветрова, светская львица и филантроп.

Сейчас я была больше похожа на одну из тех кошек, которых мы спасали из подвалов.

В офисе фонда меня ждал ад.

Марина встретила меня в дверях с выражением лица, которое я мысленно обозвала «предынфарктным». Она сжимала в руках планшет и выглядела так, будто не спала всю ночь.

— Четыре спонсора отказались, — выпалила она, даже не поздоровавшись. — За час. Один за другим. Скинули письма на почту, стандартные отписки про «пересмотр благотворительной политики». Алис, они все были на аукционе. Они видели.

Я прошла в свой кабинет, стараясь держать спину прямо, и рухнула в кресло.

— Кто именно?

Марина зачитала список. Четыре компании, которые в сумме должны были перечислить в фонд около восьми миллионов рублей. Деньги, которые я планировала потратить не только на вольеры, но и на зимнее отопление приюта, на зарплату ветеринарам, на корм.

— Понятно, — сказала я тихо. — Они боятся, что их свяжут с неудачницей, которую публично размазал Волков.

— Я пыталась им объяснить, что картина в итоге у нас! Что Волков сам привез ее тебе домой!

— И что они ответили?

Марина замялась. Я знала этот жест — она теребила край рукава, когда не хотела говорить правду.

— Марина.

— Они сказали, что это выглядит как подачка, — выдохнула она. — Цитирую: «Если Ветрова принимает подачки от конкурентов своего брата, мы не можем доверять ее управленческим решениям».

Я закрыла глаза.

Вот, значит, как. Не просто поражение. Унижение. На глазах у всего города. И теперь бизнесмены, которые еще вчера улыбались мне и хвалили «социальную ответственность фонда», бегут как крысы с тонущего корабля.

— Сколько у нас осталось на счету? — спросила я.

Марина защелкала по планшету.

— Если не платить по кредиту в этом месяце — хватит на три недели работы. Если платить... — она замолчала.

— Говори.

— Неделя. Может, десять дней. У нас просрочка по аренде за два месяца, и банк грозит арестовать счета.

Пятнадцать миллионов долга. Сорок кошек. Тридцать собак. Десять сотрудников, которые верят в меня.

И ноль идей, как это все спасти.

— Я поеду к Игорю, — сказала я, поднимаясь.

Марина округлила глаза.

— Ты серьезно? После того, что он сказал тебе в прошлый раз?

— У меня нет выбора. Он — единственный, кто может дать деньги быстро и без лишних вопросов.

— Он твой брат, Алис. А не банкомат.

— Вот именно. Он мой брат. — Я схватила сумку и направилась к выходу. — И если он откажет, я не знаю, что буду делать.

Офис Игоря располагался в башне «Ветров Групп» — шестидесятиэтажном монстре из стекла и стали, который уродовал панораму Москва-Сити. Отец построил его десять лет назад, за год до смерти, и страшно гордился этим зданием. «Наш семейный замок», — говорил он, и в его голосе звучало что-то почти детское.

Я ненавидела эту башню.

Она была символом всего, от чего я пыталась убежать. Бесконечных приемов и фальшивых улыбок. Разговоров о деньгах за семейным ужином. Презрительных взглядов отцовских партнеров, когда я говорила, что хочу заниматься благотворительностью, а не бизнесом.

«Благотворительность — это для слабаков, Алиска, — говорил отец. — Сильные делают деньги. А деньги потом могут делать что угодно. Хоть больницы строй, хоть приюты для кошек. Но сначала — деньги».

Я поднялась на лифте на пятидесятый этаж, миновала приемную, где секретарша — новая, я ее не знала — попыталась меня остановить, и ворвалась в кабинет брата без стука.

Игорь сидел за огромным столом из красного дерева и разговаривал по телефону. При виде меня он нахмурился и жестом показал: «Подожди».

Я не стала ждать. Прошла через весь кабинет и села в кресло напротив него.

Брат был старше меня на двенадцать лет. В тридцать девять он выглядел как классический бизнесмен с обложки Forbes: подтянутый, холеный, с легкой сединой на висках и холодными голубыми глазами — отцовскими глазами. Те же скулы, тот же упрямый подбородок, та же привычка смотреть на собеседника сверху вниз, даже если тот сидит на одном уровне.

Он был копией отца. Во всем.

И за это я любила его. И ненавидела одновременно.

— Да, я понял, перезвоню, — бросил Игорь в трубку и нажал отбой. Посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. — Ты опоздала на двадцать минут.

— Пробки, — соврала я.

— Ты никогда не умела врать, Алиса. — Он откинулся в кресле, скрестив руки на груди. — Я знаю, зачем ты пришла.

— Тогда давай без предисловий. — Я подалась вперед. — Мне нужны деньги. Пятнадцать миллионов. Срочно.

Игорь молчал. Пауза затянулась, и я почувствовала, как внутри начинает закипать раздражение.

— Ты слышал? — не выдержала я. — Пятнадцать миллионов. Кредит фонду. Я отдам через полгода, когда...

— Когда что? — перебил он. — Когда найдешь новых спонсоров? После вчерашнего?

Вот так. Значит, он уже в курсе.

— Я достала картину, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Волков сам привез ее мне. Я могу продать ее и...

— За сколько? — Игорь усмехнулся. — Картина стоила двести тысяч на аукционе. Это максимум. А тебе нужно пятнадцать миллионов. Или я что-то путаю?

Я стиснула зубы.

— Я придумаю что-то еще. Но прямо сейчас мне нужно перекрыть кассовый разрыв. Хотя бы на месяц. Дай мне время, и я...

— Нет.

Одно слово. Короткое, как выстрел.

— Что?

— Я сказал нет. — Игорь встал и подошел к окну. Вид из него открывался на Москву-реку и Воробьевы горы, но сейчас мне было не до пейзажей. — Хватит, Алиса. Хватит играть в благотворительность.

— Это не игра, — произнесла я, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Да ну? — Он обернулся и посмотрел на меня с выражением, которое я слишком хорошо знала. Смесь жалости и превосходства. — Ты тратишь деньги семьи на бродячих собак. На кошек, которых никто никогда не заберет. Ты влезаешь в долги, которые не можешь выплатить. Ты позоришь фамилию перед всем городом, связываясь с Волковым...

— Я не связывалась с ним! — взорвалась я. — Он сам пришел! Сам принес картину! Я не просила его об этом!

— Но ты приняла подарок. — Игорь покачал головой. — И теперь все думают, что Ветровы — слабаки, которые берут подачки у конкурентов. Спасибо тебе за это, сестренка. Огромное спасибо.

Я вскочила с кресла.

— Ты не понимаешь! У меня сорок животных, которым нечего есть! Десять сотрудников, которые не получали зарплату! Если фонд закроется, их всех выбросят на улицу!

— Значит, так тому и быть. — Голос брата стал жестким, как сталь. — Может быть, это научит тебя ответственности. Может быть, ты наконец поймешь, что мир не крутится вокруг твоих хотелок.

— Моих хотелок? — Я не верила своим ушам. — Ты называешь спасение живых существ «хотелками»?

— Я называю это неэффективным менеджментом. — Игорь вернулся к столу и сел. — Если бы ты вела дела грамотно, ты бы не оказалась в такой ситуации. Если бы ты слушала меня, а не бегала по подвалам в поискахдохлых котят, у тебя был бы нормальный бизнес и нормальная жизнь.

— Как у тебя? — ядовито спросила я. — Жизнь, в которой нет никого, кроме цифр на счету и конкурентов, которых нужно раздавить?

— Это жизнь, в которой я могу позволить себе все, что захочу. — Он взял со стола ручку и начал вертеть ее в пальцах. — В отличие от тебя. Ты пришла просить деньги, Алиса. Не я к тебе.

В кабинете повисла тишина. Я стояла посреди комнаты, сжимая кулаки, и чувствовала, как внутри что-то рвется. Какая-то последняя нить, которая связывала меня с семьей. С братом. С отцовским наследием.

— Знаешь, что сказал мне папа перед смертью? — тихо спросил Игорь.

Я промолчала.

— Он сказал: «Присмотри за сестрой. Она добрая, а добрые люди долго не живут». — Брат посмотрел мне прямо в глаза. — Он был прав, Алиса. Твоя доброта тебя погубит.

— Лучше погибнуть от доброты, чем задохнуться от жадности, — бросила я в ответ и пошла к выходу.

— Увидимся на воскресном ужине? — крикнул он мне вслед. В его голосе звучала издевка.

Я не ответила.

Дверь кабинета захлопнулась за мной с глухим стуком, отрезая меня от брата, от башни, от всего мира Ветровых. Я шла по коридору, не видя ничего перед собой, и думала только об одном.

Он отказал. Единственный человек, который мог помочь, — отказал.

И теперь у меня нет ни денег, ни плана, ни надежды.

Я добралась до приюта только к вечеру.

«Вторая жизнь» располагалась за МКАДом, в промзоне, которую лет десять назад начали застраивать жилыми комплексами. Старое кирпичное здание бывшего склада, переоборудованное под вольеры, выглядело убого на фоне глянцевых новостроек, но я любила это место. Здесь не было фальшивых улыбок и лицемерных разговоров о деньгах. Только кошки, собаки и люди, которые готовы работать за копейки, потому что верят в то, что делают.

Запах псины и опилок ударил в нос, едва я переступила порог. Где-то в глубине здания надрывался лаем ротвейлер по кличке Граф — мы подобрали его три месяца назад, истощенного до костей, с перебитой лапой. Сейчас он весил сорок килограммов и охранял приют лучше любой сигнализации.

— Алиса Андреевна! — ко мне подбежала Лена, старший ветеринар, раскрасневшаяся и взъерошенная. — У нас проблема!

Я мысленно застонала.

— Какая?

— Вольер номер семь. Трубы прорвало. Весь пол залило, кошки мокрые, я уже перенесла их в карантин, но...

— Где Семеныч? — перебила я, имея в виду нашего единственного сантехника и по совместительству завхоза.

— Уволился. — Лена развела руками. — Вчера. Сказал, что не может работать без зарплаты третий месяц.

Третий месяц. Да, точно. Я задерживала зарплату всем, но Семенычу — дольше всех. У него была жена, двое детей, ипотека. Я не винила его.

— Я найду нового, — сказала я, хотя понятия не имела, где брать сантехника, который согласится работать бесплатно. — Сейчас главное — трубы. Вызывай аварийку, я оплачу.

— Алиса Андреевна... — Лена замялась. — Аварийка без предоплаты не едет. У нас на счету...

— Я знаю. — Я потеряла виски, чувствуя, как накатывает головная боль. — Я что-нибудь придумаю. Иди.

Она убежала, а я осталась стоять посреди коридора, пахнущего сыростью и кошачьим кормом.

Картина.

У меня осталась картина Волкова. Я могу продать ее, выручить тысяч двести, от силы двести пятьдесят. Это залатает дыру на пару недель, не больше.

А потом что?

Телефон зажуужал в кармане. Я вытащила его, ожидая увидеть очередное письмо от спонсора с отказом, но на экране высветился незнакомый номер.

— Аллю, — ответила я устало.

— Алиса Андреевна, — раздался в трубке голос, и у меня внутри все оборвалось.

Волков.

— Как вы узнали мой номер? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал холодно.

— У меня хорошие аналитики, — ответил он. — И еще более хорошие юристы. Вы уделите мне минуту?

— Я занята.

— Знаю. Трубы в седьмом вольере, уволившийся сантехник, спонсоры, которые ушли после вчерашнего. Я в курсе ваших проблем, Алиса Андреевна. — Он говорил спокойно, даже вкрадчиво, и от этого мне становилось еще тревожнее. — И я хочу помочь.

Я застыла с трубкой у уха.

— Помочь? — переспросила я. — После того, что вы устроили вчера?

— Вчера я проверил вас на прочность. Сегодня я хочу сделать вам предложение.

— Какое?

— Не по телефону, — отрезал он. — Давайте встретимся завтра в моем офисе. В полдень. Я пришлю машину.

— Я никуда не поеду...

— Поедете, — перебил он, и в его голосе впервые прорезалось что-то помимо вежливого холода. Что-то стальное, не терпящее возражений. — Потому что у вас нет выбора, Алиса Андреевна. И вы это знаете.

Он отключился, не дожидаясь ответа.

Я стояла посреди коридора приюта, сжимая в руке замолчавший телефон, и чувствовала, как стены вокруг сужаются, сжимаются, превращая коридор в ловушку.

Волков. Александр Волков хочет мне помочь.

И я не знала, что пугало меня больше: то, что он может обмануть, или то, что он говорит правду.

Глава 4. Дьявол в деталях

Я не спала всю ночь.

Лежала в кровати, смотрела в потолок и прокручивала в голове наш разговор с Волковым. Его голос, его интонации, его уверенность в том, что я приеду. «У вас нет выбора, Алиса Андреевна. И вы это знаете».

Он был прав.

К утру я чувствовала себя выжатой как лимон. Под глазами залегли тени, которые не мог скрыть даже самый дорогой консилер. Волосы не желали укладываться, и в итоге я просто собрала их в небрежный пучок, даже не пытаясь изобразить «светскую львицу».

Какой смысл? Волков видел меня униженной и растерянной. Видел в халате, с растрепанными волосами, с красными от слез глазами. Прятаться за маской было поздно.

Ровно в полдень у подъезда остановился черный «Мерседес». Не кричащий, не бросающийся в глаза — дорогой ровно настолько, чтобы вызывать уважение, но не зависть. Волков умел себя подать, этого у него было не отнять.

Водитель — тот самый, что привозил его ко мне в ночь аукциона, — молча открыл дверь.

— Александр Валерьевич ждет, — сказал он без лишних церемоний.

Я села в машину и всю дорогу смотрела в окно, пытаюсь унять дрожь в коленях.

Москва за стеклом жила своей жизнью. Люди спешили по делам, голуби дрались за хлебную корку, уличный музыкант играл на саксофоне что-то щемяще-грустное. Обычный городской день. Только у меня внутри все звенело от напряжения, как натянутая струна.

Офис Волкова находился в башне «Империал» — еще одном стеклянном монстре в Москва-Сити, на двадцать этажей выше, чем у Игоря. Я невольно отметила эту деталь. Конечно. Волков не мог построить башню ниже, чем у Ветровых. Это было бы поражением.

Лифт вознес меня на последний этаж, и двери открылись в приемную, которая больше напоминала музей современного искусства. Минимализм, доведенный до абсолюта: серый камень, стекло, редкие вкрапления черного металла. Ни одной лишней детали. Ни одного теплого оттенка.

Секретарша — высокая блондинка с идеальной укладкой и ледяным взглядом — проводила меня в кабинет.

— Александр Валерьевич сейчас будет. Подождите.

Я осталась одна.

Кабинет был под стать приемной: огромный, холодный, с панорамным окном во всю стену. Москва лежала внизу, как карта, расстеленная перед генералом. Где-то там, в дымке, прятались и мой приют, и моя квартира, и башня Игоря. Отсюда, с высоты птичьего полета, все казалось мелким и незначительным.

Интересно, Волков специально выбрал такой офис? Чтобы любой, кто сюда входил, сразу чувствовал себя букашкой?

— Добрый день, Алиса Андреевна.

Я вздрогнула. Он вошел бесшумно — не хлопнул дверью, не цокнул каблуками по каменному полу, просто материализовался за моей спиной, как хищник, который умеет подкрадываться незаметно.

Сегодня он был без пиджака. Белая рубашка с закатанными до локтей рукавами открывала сильные предплечья с темными волосками. Запонки — платиновые, с каким-то гербом, — поблескивали в свете ламп. Галстук отсутствовал, верхняя пуговица расстегнута.

Я поймала себя на том, что разглядываю его шею. Точнее, ямочку между ключицами, которая виднелась в вырезе рубашки.

Черт. Что со мной не так?

— Вы пунктуальны, — сказала я, отводя взгляд. — Это радует.

— Пунктуальность — вежливость королей, — он обогнул стол и сел в кресло, жестом приглашая меня занять место напротив. — И бизнесменов. Присаживайтесь. Разговор будет долгим.

Я села. Кресло было кожаным, дорогим и на удивление удобным — не продавилось, не скрипнуло, идеально приняло форму тела.

— Кофе? Чай? Воду?

— Воду, — сказала я. В горле действительно пересохло.

Он нажал кнопку на селекторе и отдал распоряжение. Через минуту та же блондинка внесла поднос с двумя бутылками «San Pellegrino» и стаканами. Поставила на стол и исчезла, даже не взглянув на меня.

— Итак, — Волков откинулся в кресле и посмотрел на меня своими невозможными серыми глазами. — Полагаю, у вас был трудный вечер и не менее трудное утро.

— Вы следили за мной?

— Мне не нужно следить. Достаточно читать новости. «Фонд Алисы Ветровой теряет спонсоров», «Скандал на благотворительном аукционе», «Ветрова проигрывает Волкову». Заголовки говорят сами за себя.

Я стиснула зубы.

— Если вы пригласили меня, чтобы позлорадствовать, то зря потратили время. Я ухожу.

Я сделала движение, чтобы встать, но он поднял руку.

— Сядьте.

Одно слово. Но произнесенное таким тоном, что я опустилась обратно в кресло, даже не успев осознать.

— Я не злорадствую, — продолжил он спокойно. — Я вообще редко злорадствую. Это пустая трата эмоций. Я пригласил вас, чтобы предложить выход.

— Выход? — Я горько усмехнулась. — Из моей ситуации нет выхода. Мой фонд на грани краха. Спонсоры разбежались. Брат отказался помогать. У меня пятнадцать миллионов долга и сорок кошек, которых нечем кормить. Какой выход можете предложить мне вы?

Волков налил воду в стакан и подвинул его ко мне.

— Я могу решить все ваши проблемы. Все до единой. Пятнадцать миллионов долга? Я закрою их одним платежом. Спонсоры? После того, как я стану вашим мужем, они выстроятся в очередь, чтобы перевести деньги в ваш фонд. Приют? Я куплю для него новое здание, если захотите. Или отремонтирую старое. Или построю целый ветеринарный центр. Все, что пожелаете.

Я слушала его и не верила своим ушам.

— Мужем? — переспросила я, решив, что ослышалась.

— Фиктивным мужем, — уточнил он, и от этого уточнения почему-то стало еще абсурднее. — На один год. С четко прописанными условиями, правами и обязанностями сторон. С контрактом, который защитит ваши интересы не хуже, чем мои.

— Вы шутите?

— Я никогда не шучу о бизнесе. — Он открыл ящик стола и достал тонкую кожаную папку. Положил ее передо мной. — Это проект договора. Прочтите. Не торопитесь. Задавайте вопросы. Я хочу, чтобы вы приняли решение осознанно.

Я смотрела на папку как на ядовитую змею.

— Это безумие, — прошептала я.

— Безумие — это позволить своему фонду погибнуть из-за глупой гордости, — парировал он. — Безумие — это упустить шанс только потому, что он предлагается не в той упаковке, в какой вы хотели. А это, — он кивнул на папку, — рациональное, взвешенное, взаимовыгодное решение.

Я медленно открыла папку.

Контракт был составлен на десяти страницах, мелким шрифтом, с кучей юридических терминов, половину из которых я не понимала. Но основные пункты он выделил жирным.

Стороны обязуются вступить в законный брак не позднее 15 сентября текущего года.

Срок действия договора — 12 месяцев с даты регистрации брака. По истечении этого срока брак расторгается по обоюдному согласию.

На период действия договора Сторона А (Волков А. В.) обязуется:

полностью погасить задолженность Стороны Б (Ветровой А. А.) перед кредиторами;

ежемесячно перечислять на счет фонда «Вторая жизнь» сумму в размере 2 000 000 рублей на операционные расходы;

обеспечить Стороне Б проживание в своей резиденции, питание и охрану;

не вступать в интимные отношения со Стороной Б без ее явного согласия.

Сторона Б обязуется:

исполнять роль супруги на всех публичных мероприятиях;

воздерживаться от публичной критики Стороны А;

хранить конфиденциальность относительно фиктивного характера брака;

не вступать в романтические и интимные отношения с третьими лицами на период действия договора.

Я читала и перечитывала последний пункт. Потом подняла глаза на Волкова.

— Вы серьезно? — спросила я, указывая на последнюю строчку.

— Совершенно серьезно. Мне не нужны скандалы. Если вы заведете роман на стороне, пресса растерзает нас обоих.

— И это касается обоих? — Я прищурилась. — Вы тоже не будете... встречаться с кем-то?

— Я тоже.

— А пункт про интимные отношения...

— Это ваша страховка, — перебил он ровным тоном. — Вы боитесь, что я посягну на вашу... неприкосновенность. Я даю письменную гарантию, что без вашего явного согласия

ничего не произойдет. Можете показать этот контракт своему юристу. Пункт четвертый имеет полную юридическую силу.

— И вы думаете, что я соглашусь? — Я захлопнула папку. — Продать себя в фиктивный брак, как какую-то...

— Как делового партнера, — закончил он за меня. — Не продать. Заключить сделку. Вы получаете деньги и свободу действий в вашем фонде. Я получаю жену, которая нужна мне по условиям завещания. Через год мы расстаемся, и каждый идет своей дорогой.

— По условиям завещания? — Я ухватила за эту фразу. — Так вот в чем дело. Ваш отец оставил вам наследство с условием женитьбы.

Волков чуть заметно поморщился — впервые за весь разговор он показал что-то похожее на эмоцию.

— Это не ваша забота.

— Ошибаетесь. — Я откинулась в кресле, чувствуя, как почва под ногами становится чуть более твердой. — Если я соглашусь, это станет моей заботой. Я хочу знать, во что ввязываюсь.

Он помолчал. Потом коротко кивнул:

— Хорошо. Мой отец оставил контрольный пакет акций с условием, что я женюсь до тридцати пяти лет. Если условие не будет выполнено, акции перейдут под управление Игоря Ветрова.

Я уставилась на него.

— Моего брата?

— Да.

— Так поэтому вы выбрали меня? — до меня начала доходить абсурдность ситуации. — Вы хотите жениться на сестре своего главного врага, чтобы насолить ему?

— Я хочу жениться на женщине с хорошей репутацией и громкой фамилией, чей брат не посмеет оспаривать завещание, потому что это будет выглядеть как война против собственной семьи, — поправил он. — Это холодный расчет, Алиса Андреевна. Ничего личного.

— Ничего личного, — повторила я эхом. — Вы говорите о браке — пусть и фиктивном, — а сами твердите про холодный расчет.

— А вы хотите, чтобы я говорил про любовь? — Он чуть наклонил голову, и в его серых глазах мелькнуло что-то похожее на насмешку. — Про бабочек в животе и фейерверки на горизонте? Боюсь, я не тот человек. Я могу предложить вам честную сделку. Без иллюзий. Без обмана. С юридическими гарантиями. Это больше, чем предлагают большинство мужчин, когда зовут замуж.

— Большинство мужчин зовут замуж, потому что любят.

— И многие из них потом разводятся, делят имущество через суд и поливают друг друга грязью в соцсетях. — Он пожал плечами. — У нас такого не будет. У нас будет четкий план выхода. Никаких сюрпризов.

Я замолчала.

В его словах была логика. Холодная, циничная логика, от которой меня тошнило, но которую я не могла опровергнуть. Мой фонд умирал. Мой брат отвернулся. Спонсоры бежали как крысы. А этот человек предлагал мне спасение — пусть и в такой форме, от которой внутри все переворачивалось.

— Мне нужно подумать, — сказала я наконец.

— Разумеется. — Волков кивнул. — Возьмите контракт с собой. Покажите юристу. У вас есть три дня.

— А если я откажусь?

— Тогда я найду другую женщину, — сказал он просто. — Найду кого-то, кто согласится на мои условия. А вы... что ж, вы будете жить дальше. Без моего вмешательства. С последствиями ваших собственных решений.

Он произнес это без угрозы, но я почувствовала холод вдоль позвоночника.

— Вы не оставляете мне выбора, — прошептала я.

— Выбор есть всегда, Алиса Андреевна. — Он встал, давая понять, что разговор окончен. — Просто иногда он бывает между плохим и очень плохим. И мудрые люди выбирают плохое, чтобы потом получить хорошее.

Я тоже поднялась. Голова кружилась, как после американских горок.

— Я дам вам знать, — сказала я, направляясь к двери.

— Буду ждать.

У самого выхода я остановилась и обернулась. Волков стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на город. В лучах полуденного солнца его фигура казалась почти силуэтом — черным на фоне ослепительно-голубого неба.

— Почему я? — спросила я тихо.

Он не обернулся.

— Потому что вы не похожи на других, — ответил он после паузы. — Вы единственная, кто посмотрел мне в глаза и назвал индюком.

Я не нашлась что ответить. Просто вышла, закрыв за собой дверь.

В лифте меня накрыло. Я прислонилась к зеркальной стене и закрыла глаза, пытаюсь выровнять дыхание.

Он предлагал мне продать год моей жизни. Год притворства, лжи, спектаклей перед камерами. Год в роли жены человека, которого я ненавидела — или думала, что ненавидела.

Взамен — спасение всего, что мне дорого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.